

Научная статья
УДК 34

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕХАНИЗМ КВАЛИФИКАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Алмаз Юнусович Сибгатуллин,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
almaz-la@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию административной преюдиции как межотраслевого правового механизма, обеспечивающего переход от административной к уголовной ответственности на основе повторности противоправного поведения. Актуальность темы обусловлена необходимостью уточнения ее нормативной природы и роли в системе уголовного права.

Материалы и методы: исследование основано на анализе нормативных конструкций, доктринальных подходов и положений уголовного законодательства Российской Федерации, включая статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащие признаки административной преюдиции. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы.

Результаты исследования: выявлены ключевые признаки административной преюдиции: неоднократность деяний, наличие ранее вынесенного административного наказания, временные рамки действия санкции и трансформация юридического статуса субъекта. Установлено отсутствие единообразия в формулировках и критериях применения, что затрудняет квалификацию и нарушает принцип правовой определенности.

Обсуждение и заключение: обоснована необходимость нормативной унификации признаков неоднократности, сроков действия административного наказания и механизмов проверки правомерности административных решений. Предлагается рассматривать административную преюдицию как индикатор устойчивой противоправной направленности поведения, что позволяет уточнить ее место в структуре состава преступления и повысить эффективность уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: административная преюдиция; уголовное право; неоднократность; систематичность; квалификация; общественная опасность; состав преступления; специальный субъект; правоприменение; межотраслевой механизм; рецидив; административное наказание; УК РФ; КоАП РФ; правовая природа

© Сибгатуллин А.Ю., 2025

Для цитирования: Сибгатуллин А.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве как межотраслевой механизм квалификации и трансформации юридической ответственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 4 (62). С. 165 – 176.

Scientific article
UDC 34

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW AS AN INTERDISCIPLINARY MECHANISM OF QUALIFICATION AND TRANSFORMATION OF LEGAL RESPONSIBILITY

Almaz Yunusovich Sibgatullin,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia,
almaz-la@mail.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of administrative prejudice as an interdisciplinary legal mechanism that ensures the transition from administrative to criminal liability based on the repetition of unlawful behavior. The relevance of the topic is due to the need to clarify its normative nature and role in the criminal law system.

Materials and Methods: the study is based on an analysis of normative structures, doctrinal approaches and provisions of the criminal legislation of the Russian Federation, including articles of the Criminal Code of the Russian Federation containing signs of administrative prejudice. Formal-legal, comparative-legal and systematic methods are applied.

Results: the key signs of administrative prejudice have been identified: the repetition of acts, the presence of a previously imposed administrative penalty, the time frame of the sanction and the transformation of the legal status of the entity. There is a lack of uniformity in the formulations and application criteria, which makes it difficult to qualify and violates the principle of legal certainty.

Discussion and Conclusions: the necessity of normative unification of the signs of repetition, the duration of administrative punishment and mechanisms for verifying the legality of administrative decisions is substantiated. It is proposed to consider administrative prejudice as an indicator of a stable illegal orientation of behavior, which makes it possible to clarify its place in the structure of the corpus delicti and increase the effectiveness of criminal law regulation.

Keywords: administrative prejudice; criminal law; repetition; systematicity; qualification; public danger; corpus delicti; special entity; law enforcement; intersectoral mechanism; recidivism; administrative punishment; Criminal Code of the Russian Federation; Administrative Code of the Russian Federation; legal nature

© Sibgatullin A.Y., 2025

For citation: Sibgatullin A.Y. Administrative Prejudice in Criminal Law as an Interdisciplinary Mechanism of Qualification and Transformation of Legal Responsibility. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2025;16(4):165-176. (In Russ.).

Введение

Современное правовое регулирование в Российской Федерации сталкивается с вызовами, связанными с ростом числа административных правонарушений, усложнением межотраслевых связей и необходимостью повышения эффективности правотворческой деятельности. В условиях реформирования законодательства и стремления к усилению правопорядка государство активно ищет новые юридические инструменты, способные обеспечить системность и предсказуемость нормативных решений. Одним из таких инструментов становится административная преюдиция – правовая конструкция, обеспечивающая связь между ранее совершенным административным

правонарушением и последующей уголовной ответственностью.

Начиная с 2009 года, в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) были возвращены нормы с административной преюдицией, ранее исключенные при принятии УК РФ 1996 года¹. Сегодня таких норм уже более тридцати, и они охватывают широкий спектр общественных отношений. Исторически институт административной преюдиции был закреплен в более чем двадцати статьях УК РСФСР 1960 года [1, с. 90].

Несмотря на активное внедрение, теоретическое осмысление административной преюдиции остается фрагментарным. Научные работы преимущественно касаются отдельных составов

¹ О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2009 № 216-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 03.08.2009. № 31. Ст. 3922.

преступлений или выражают критику института в контексте уголовного права. При этом отсутствует комплексный анализ административной преюдиции как элемента правовой конструкции, ее методологических оснований, логики нормативного закрепления и роли в правотворчестве. Более того, значительная часть научного сообщества выражает несогласие с ее инкорпорацией в уголовное законодательство. Так, Г.В. Верина подчеркивает, что только законодатель способен субъективно превратить административное правонарушение в преступление, поскольку повторность не изменяет качество общественной опасности [2, с. 20]. А.Г. Кибальник утверждает, что деяние с «нулевым» признаком общественной опасности не может стать преступлением даже при многократном повторении [3, с. 122]. Н.А. Лопашенко также считает, что повторное совершение административных правонарушений не способно «родить» преступление [4].

В то же время существует и альтернативная точка зрения. Так, В.П. Малков рассматривает административную преюдицию как средство локальной декриминализации и барьер от чрезмерного расширения уголовно-правового принуждения [5, с. 61]. Однако таких позиций значительно меньше, чем критических, и они не формируют устойчивой доктрины.

В связи с этим цель исследования заключается в теоретическом обосновании административной преюдиции как элемента правовой конструкции и выявлении ее роли в практике правотворчества.

Предполагается, что административная преюдиция, будучи корректно встроенной в правовую конструкцию, может выступать эффективным инструментом межотраслевого регулирования, способным повысить системность и предсказуемость законодательства при условии соблюдения принципов правовой определенности и соразмерности.

Методы

В настоящем исследовании применен комплекс методов, обеспечивающих всесторонний анализ института административной преюдиции в уголовном праве. Основу методологического подхода составил формально-юридический метод, позволивший провести детальное изучение нормативных правовых актов, регулирующих применение административной преюдиции, включая положения Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Особое внимание уделено структуре диспозиций, примечаний и заголовков статей, содержащих признаки неоднократности и систематичности, что позволило вы-

явить особенности законодательной техники при закреплении признаков административной преюдиции.

Сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления различных формулировок, применяемых в уголовно-правовых нормах, а также для анализа соотношения института административной преюдиции с другими уголовно-правовыми конструкциями, такими как рецидив преступлений и сложные единичные преступления.

Системный подход обеспечил возможность рассмотрения административной преюдиции как элемента межотраслевого правового механизма, функционирующего на стыке административного и уголовного права. В рамках данного подхода проанализировано место административной преюдиции в структуре состава преступления, а также ее роль в обеспечении принципа справедливости и правовой определенности.

Критико-оценочный метод был использован для выявления правовых коллизий и пробелов, возникающих при применении норм, содержащих признаки административной преюдиции.

Применение указанных методов обеспечило комплексный и всесторонний характер исследования, позволивший не только выявить теоретические и практические проблемы, но и предложить пути их разрешения в контексте развития уголовного законодательства.

Результаты исследования

В рамках проведенного анализа доктринальных и нормативных источников выявлены ключевые теоретико-правовые подходы к осмыслению административной преюдиции как элемента правовой конструкции, обладающего межотраслевой природой. В частности, в справочнике «Доктринальные, законодательные и судебные понятия в современном уголовном праве России» административная преюдиция определяется как формализованный механизм, связывающий уголовную ответственность с ранее установленной административной санкцией за аналогичное деяние, что подчеркивает нормативную преемственность между двумя уровнями юридической ответственности [6, с. 14].

С позиций уголовно-правовой доктрины Г.А. Есаков трактует административную преюдицию как уникальный признак состава преступления, не поддающийся однозначной квалификации в рамках традиционного деления на объективные и субъективные признаки. Его концепция акцентирует внимание на автономности преюдиции как юридического элемента, существующего вне конкретного деяния или субъекта [7, с. 161]. В

свою очередь, А.М. Просочкин интерпретирует административную преюдицию как прагматический инструмент, при котором предварительное административное наказание становится условием для последующего уголовного преследования [8, с. 63].

Дополняя эти позиции, С.А. Маркунцов и Н.И. Пикуров подчеркивают межотраслевой характер административной преюдиции, ее способность трансформировать статус деяния в зависимости от нормативных условий и предшествующих санкций, что позволяет рассматривать ее как средство юридической техники, обеспечивающее согласование правовых режимов [9; 10].

Систематизация выявленных положений позволяет заключить, что административная преюдиция функционирует как надотраслевой правовой механизм, включающий в свою конструкцию признаки повторности, временные ограничения и наличие ранее вынесенного административного взыскания. В отличие от узкого понятия повторности, множественность охватывает систематическое игнорирование правовых норм в пределах установленного законом периода, при этом связь между отдельными действиями не является обязательной, решающим становится факт вступления в силу административного наказания.

Формальная связь между последующим деянием и ранее примененной санкцией реализуется через соблюдение условий законности, обоснованности и процессуальной завершенности административного производства. Таким образом, административная преюдиция обеспечивает переход между правовыми статусами деяния, закрепляя трансформацию ответственности: по достижении определенного порога противоправности лицо становится объектом уголовно-правового воздействия. Этот переход институционализируется в уголовном законе, который устанавливает критерии криминализации деяния, ранее квалифицированного как административное.

С учетом вышеизложенного, административную преюдицию следует рассматривать либо как элемент состава преступления, влияющий на квалификацию деяния, либо как самостоятельный прием юридической техники, обеспечивающий нормативный переход между правовыми режимами. Такая двойственная природа подчеркивает ее нормативную гибкость, функциональную насыщенность и актуальность в контексте развития уголовного законодательства.

Представляется возможным сформулировать следующее обобщенное определение: админи-

стративная преюдиция представляет собой межотраслевой правовой механизм, обеспечивающий юридическую преемственность между административной и уголовной ответственностью посредством признания повторности противоправных деяний. По существу, она функционирует как инструмент трансформации правового статуса деяния, при котором предшествующее административное взыскание становится основанием для квалификации последующего аналогичного поведения как преступного.

Как показывают результаты исследования, административная преюдиция обладает высокой степенью нормативной адаптивности. Законодатель использует различные способы ее закрепления: через примечания к статьям (например, ст. 151¹, 157, 171⁴, 215⁴ УК РФ), прямое указание на нормы КоАП РФ (ст. 212¹ УК РФ), акцент на специальном субъекте (ст. 116¹, 215³ УК РФ), а также комбинированные конструкции, включающие конкретизацию деяния и субъекта (ст. 158¹, 191, 201², 255 УК РФ). В ряде случаев применяется термин «неоднократность» без пояснений, что формирует так называемую «скрытую преюдицию» (ст. 154, 180 УК РФ), либо используется обобщенная формулировка без ссылки на конкретную административную норму (ст. 264¹ УК РФ). В наиболее детализированных вариантах (ст. 314¹ УК РФ) одновременно указываются статьи КоАП РФ и условия наступления уголовной ответственности¹.

Дополнительно установлено, что временные параметры, определяющие интервал между правонарушениями, варьируются: от одного года с момента исполнения постановления (ст. 116¹, 151¹, 158¹, 171⁴ УК РФ) до 180 дней с момента привлечения к ответственности (ст. 212¹ УК РФ) и одного года при наличии двух аналогичных нарушений (ст. 330¹ УК РФ). Такое разнообразие подходов свидетельствует о фрагментарности правотворческой практики и снижает предсказуемость уголовной ответственности, что, в свою очередь, затрудняет ее реализацию в рамках единых принципов уголовного права.

С теоретической точки зрения, ключевым элементом административной преюдиции выступает неоднократное совершение однородных административных правонарушений, отражающее устойчивую антисоциальную направленность поведения. Повторность деяний формирует новое качество субъекта, демонстрирующего систематическое игнорирование правовых норм, что обосновывает его повышенную общественную

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации №25 от 17.06.1996, ст. 2954

опасность. В связи с этим особое значение приобретает характеристика лица, ранее подвергнутого административному наказанию, поскольку именно она служит связующим звеном между предшествующим правонарушением и последующим уголовным преследованием.

Преступления, основанные на административной преюдиции, квалифицируются исключительно как оконченные и совершаются с прямым умыслом, что подчеркивает сознательность и целенаправленность противоправных действий. Таким образом, административная преюдиция не только выполняет функцию нормативного перехода между уровнями юридической ответственности, но и служит индикатором устойчивой противоправной установки субъекта, что позволяет более точно разграничивать административные проступки и преступления на основе степени общественной опасности деяния [11].

В совокупности выявленные признаки и подходы позволяют рассматривать административную преюдицию как самостоятельный, гибкий и функционально насыщенный правовой механизм, требующий дальнейшего нормативного уточнения и доктринального осмысления.

Административная преюдиция представляет собой межотраслевой правовой механизм, обеспечивающий переход от административной к уголовной ответственности на основе повторности противоправного поведения. Ее нормативное закрепление реализуется в рамках ограниченного перечня статей УК РФ (включая ст. 116¹, 151¹, 158¹, 212¹, 264¹ и др.), что свидетельствует о ее точечной, но функционально насыщенной роли в уголовном праве.

Преюдиция охватывает не только непосредственный объект преступного посягательства, но и общественные отношения, связанные с охраной интересов правосудия, что подчеркивает ее интегративную и межотраслевую природу. В зависимости от конструкции нормы, она может выступать как элемент состава преступления или как прием юридической техники, обеспечивающий нормативную трансформацию деяния.

Ключевым признаком административной преюдиции является неоднократность совершения аналогичных правонарушений, отражающая устойчивую противоправную направленность поведения субъекта. Как отмечает В.Н. Курченко, допустимо учитывать свойства личности правонарушителя, свидетельствующие о его повышенной общественной опасности [12].

Сравнение с институтом рецидива демонстрирует сходство по логике применения, однако административная преюдиция опирается на факт ранее совершенного административного, а не уголовного деяния, что позволяет сохранить автономность правовой оценки и избежать нарушения принципа *non bis in idem*.

Временные параметры, установленные в уголовных нормах, варьируются от одного года до 180 дней, что затрудняет единообразие квалификации. По истечении срока действия административного наказания его влияние на уголовную ответственность аннулируется [13, с. 246].

Следует отметить, что административная преюдиция выполняет функцию нормативного фильтра, позволяющего учитывать повторность и устойчивость противоправного поведения при переходе к уголовно-правовому реагированию. Ее дальнейшее развитие требует унификации критериев и уточнения правовой природы в рамках системного подхода к уголовному законодательству.

В результате анализа эволюции административной преюдиции в российском уголовном законодательстве выявлены ключевые этапы ее нормативного становления и функционального закрепления. Примечательно, что в первоначальной редакции УК РФ 1996 года нормы, основанные на административной преюдиции, отсутствовали. Включение данного механизма произошло лишь с принятием Федерального закона от 29 июля 2009 года № 216-ФЗ, которым была дополнена статья 178 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за неоднократное злоупотребление доминирующим положением при наличии предшествующего административного взыскания¹.

В последующем законодательная практика демонстрировала тенденцию к расширению применения административной преюдиции. Она была закреплена в ряде статей УК РФ (включая ст. 116¹, 151¹, 157, 158¹, 264¹, 315), охватывающих широкий спектр деяний – от бытового насилия и мелкого хищения до управления транспортом в состоянии опьянения и злостного неисполнения судебных актов. Такая нормативная экспансия свидетельствует о стремлении законодателя усилить реакцию на повторные правонарушения и повысить превентивный потенциал уголовного закона.

Содержательно административная преюдиция представляет собой юридическую конструкцию, при которой уголовная ответственность наступает за повторное совершение деяния, ранее ква-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации № 25 от 17 июня 1996 года, ст. 2954

лифицированного как административное правонарушение. Признаки преюдиции, как правило, обладают объективной природой: они фиксируют факт ранее совершенного правонарушения и наличие соответствующего наказания, не затрагивая внутреннюю мотивацию субъекта. Однако антисоциальная направленность повторного поведения влияет на степень вины и общественную опасность, что отражается в характере санкций.

С 2016 года активное внедрение новых норм с административной преюдицией было приостановлено в связи с обсуждением концепции уголовного проступка. Несмотря на подготовку законопроекта и принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 24, соответствующие изменения не были закреплены. В 2023 году был предложен альтернативный подход: уголовная ответственность наступает исключительно при повторном совершении деяния, впервые квалифицируемого как административное, что свидетельствует о переориентации законодателя на развитие института административной преюдиции как основного механизма реагирования на устойчивое противоправное поведение.

В соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию с момента вступления в силу постановления и до истечения одного года после окончания исполнения наказания¹. Данный временной интервал определяет границы допустимости уголовной квалификации повторного деяния.

Особую разновидность административной преюдиции представляет уголовно-исполнительная преюдиция, закрепленная в ст. 314¹ УК РФ. Она предусматривает ответственность за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение ограничений, установленных судом. Надзор осуществляется в соответствии со ст. 173.1 УИК РФ, что подтверждает двойственную природу регулирования – административную и уголовно-исполнительную².

С учетом принципов состязательности и равноправия сторон, закрепленных в УПК РФ, суд в рамках уголовного производства обязан самостоятельно проверять факт привлечения к административной ответственности, несмотря на наличие вступивших в силу решений. Это исключает автоматизм в признании виновности и требует дополнительной процессуальной оценки.

Таким образом, административная преюдиция в российском уголовном праве сформировалась как специализированный механизм, направленный на криминализацию повторных правонарушений, обладающий нормативной гибкостью и межотраслевой природой. Ее дальнейшее развитие требует системного подхода, обеспечивающего баланс между эффективностью уголовного преследования и соблюдением принципов правовой определенности.

Механизм реализации административной преюдиции в уголовном праве характеризуется нормативной вариативностью и отсутствием унифицированного подхода. Ключевым элементом выступает признак неоднократности, закрепляемый в различных структурных компонентах уголовно-правовых норм: в диспозициях (ст. 151¹, 157, 264¹, 314¹ УК РФ), примечаниях (ст. 151¹), заголовках (ст. 264¹), а также одновременно в названии и диспозиции (ст. 158¹). Вместо термина «административная преюдиция», отсутствующего в законодательстве, используются формулировки «неоднократность», «систематичность», «лицо, подвергнутое административному наказанию».

Содержательно нормы различаются по способу указания на предшествующее правонарушение: от отсутствия прямой ссылки (ст. 154, 180 УК РФ) до конкретизации факта административного наказания (ст. 116¹, 158¹, 215⁴) или привлечения к ответственности (ст. 212¹, 284¹, 314¹). Количественные и временные критерии также варьируются: от повторного деяния в течение одного года (ст. 116¹, 151¹) до третьего нарушения в пределах 180 дней (ст. 212¹) или одного года (ст. 284¹, 314¹). Такое разнообразие формулировок, при всей нормативной гибкости, порождает риски несогласованности с принципом системности уголовного закона. В частности, статья 4.6 КоАП РФ устанавливает, что лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение одного года с момента вступления в силу постановления до окончания его исполнения. Несоответствие уголовных норм этому критерию, например учет третьего нарушения или сокращенный срок, нарушает логическую согласованность межотраслевого регулирования.

Дополнительно следует учитывать, что квалификация преступлений с административной преюдицией требует проверки юридической значимости предшествующего правонарушения. Не-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации № 25

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.01.1997, №2, ст. 198.

смотря на положения статьи 90 УПК РФ, допускающие признание вступивших в силу решений без дополнительной проверки, в ряде случаев необходима оценка правомерности административного наказания, особенно при наличии процессуальных ошибок, фальсификаций или неверной квалификации.

Наконец, особую сложность представляют вопросы квалификации приготовлений и покушений на повторное административное правонарушение, допустимости соучастия, а также применения института рецидива. Указанные аспекты требуют дополнительного нормативного уточнения и доктринального осмысления, направленного на обеспечение правовой определенности и согласованности уголовно-правового регулирования.

Обсуждение и заключение

На основании проведенного анализа можно заключить, что административная преюдиция представляет собой комплексный правовой механизм, функционирующий на пересечении административного и уголовного права. Ее нормативная природа остается предметом научной дискуссии: одни исследователи рассматривают ее как инструмент усиления уголовной политики, другие как потенциальную угрозу принципам законности и правовой определенности.

Сравнительный анализ показывает, что в гражданском и процессуальном праве преюдиция (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ, ст. 90 УПК РФ) выполняет доказательственную функцию, фиксируя юридически значимые факты. В уголовном праве ее роль иная: административная преюдиция не просто констатирует факт, а служит основанием для изменения правового статуса деяния, превращая его из административного проступка в преступление. Тем самым она приобретает конструктивное значение в квалификации уголовной ответственности.

В рамках доктринальных подходов возникает вопрос: следует ли трактовать административную преюдицию как разновидность сложного единичного преступления или как проявление особого статуса субъекта, совершившего повторное деяние? В обоих случаях преюдиция не столько описывает деяние, сколько определяет его юридическую оценку с учетом предшествующего поведения лица.

Несмотря на методологическое разнообразие, большинство концепций сходятся в признании неоднократности административных правонарушений как ключевого признака. Существенное значение при этом имеют временные рамки, сходство объективных и субъективных признаков де-

яний, а также факт их административной квалификации.

В обобщенном виде административную преюдицию следует рассматривать не только как технический элемент уголовно-правовой конструкции, но и как концептуальный инструмент, формирующий логику перехода между уровнями юридической ответственности. Ее дальнейшее развитие требует нормативной конкретизации, методологической согласованности и учета конституционных гарантий, включая принципы справедливости, правовой определенности и индивидуализации ответственности.

Обобщая результаты исследования, следует констатировать, что административная преюдиция выполняет значимую охранительную функцию, обеспечивая согласованное взаимодействие административного и уголовного права в целях защиты публичных интересов. Вместе с тем ее нормативная природа остается дискуссионной, порождая конкурирующие доктринальные интерпретации.

С одной стороны, преюдиция рассматривается как прием юридической техники, направленный на упорядочивание правоприменения и усиление ответственности. С другой – как элемент состава преступления, отражающий специфику субъекта, чья правовая оценка формируется не только на основе текущего деяния, но и с учетом предшествующего противоправного поведения. Такая методологическая неопределенность требует уточнения: следует ли квалифицировать преюдицию как признак объективной стороны преступления или как характеристику субъекта.

Дополнительную сложность представляет межотраслевой характер данного института. Он формирует точки сопряжения между административной и уголовной юрисдикцией, однако не всегда вписывается в единую концептуальную модель. Недостаточно исследованными остаются такие параметры, как временные пределы повторности, критерии однородности деяний и порог общественной опасности, необходимый для перехода от административного проступка к уголовному преступлению. С практической точки зрения, применение административной преюдиции сопряжено с рядом затруднений: установление законности ранее вынесенного административного решения, доказательство факта повторности, а также риски необоснованного уголовного преследования при наличии сомнений в предыдущем производстве. Эти обстоятельства актуализируют необходимость нормативной конкретизации и доктринального согласования условий ее применения. Корректное функционирование института

административной преюдиции возможно лишь при наличии четко сформулированных критериев, единых подходов к квалификации и системной интеграции в рамки уголовно-правового регулирования.

Следует признать, что административная преюдиция представляет собой сложный межотраслевой механизм, функционирующий на стыке административного и уголовного регулирования. Ее нормативная гибкость обеспечивает адаптацию к различным правовым ситуациям, но одновременно порождает проблемы интерпретации, квалификации и правоприменения. Одним из ключевых вызовов остается разграничение преступлений и административных правонарушений, особенно в случаях, когда криминообразующий признак носит оценочный характер. Это обстоятельство формирует правовую неопределенность и требует уточнения критериев, лежащих в основе преюдициальной конструкции.

Как справедливо отмечают исследователи, разноеобразие способов закрепления признака неоднократности иллюстрирует адаптивность института, но одновременно указывает на отсутствие системности в законодательной технике, что затрудняет унификацию правоприменительной практики [1; 11; 12 и др.].

В целях устранения выявленных противоречий целесообразно:

- унифицировать признаки неоднократности;
- закрепить единый срок действия административного наказания – один год с момента его исполнения;
- определить субъект преступления как лицо, подвергнутое административному взысканию за аналогичное деяние.

Такая нормативная унификация позволит повысить правовую определенность, согласованность межотраслевых норм и эффективность применения административной преюдиции.

Теоретическая дискуссия о сущности преюдиции остается открытой. В рамках формально-юридического подхода она трактуется как способ конструирования уголовно-правовых норм, обеспечивающий нормативную трансформацию статуса деяния при наличии повторности. Социально-юридическая интерпретация рассматривает ее как инструмент криминализации или декриминализации, отражающий текущую уголовную политику. При этом критики указывают на риск чрезмерной репрессивности, противоречащей принципам, закрепленным в статье 8 УК РФ [4].

Межотраслевой подход подчеркивает роль преюдиции как связующего звена между админи-

стративной и уголовной юрисдикцией, формирующего единое пространство юридической ответственности. В свою очередь, криминологическая перспектива акцентирует ее превентивный потенциал: своевременное реагирование на повторные правонарушения способствует предупреждению преступности и укреплению правопорядка.

В условиях продолжающейся дискуссии о введении категории уголовного проступка, инициированной Пленумом Верховного Суда РФ в 2020 году, актуализируется вопрос о допустимости замены норм, основанных на административной преюдиции. Сторонники реформы указывают на ее потенциал в устранении диспропорции между преступлениями и проступками, снижении уровня репрессивности и содействии социальной реабилитации. Противники, напротив, подчеркивают риски нормативных коллизий, усложнение разграничения ответственности и методологическую несогласованность двух институтов.

На этом фоне административная преюдиция сохраняет значимость как инструмент разграничения правонарушений и преступлений. Исходя из проведенного анализа, предлагаются четыре концептуальные модели ее развития:

1. Превентивная интеграция – согласование административных и уголовных механизмов для предупреждения повторных нарушений.
2. Индивидуализация ответственности – учет поведенческих характеристик правонарушителя при определении меры воздействия.
3. Динамическое регулирование – адаптация норм к изменяющимся социальным условиям.
4. Правовая эволюция – обновление системы ответственности через межотраслевое взаимодействие.

Несмотря на нормативную закреплённость, административная преюдиция остается объектом научной критики. Ее эффективность ограничивается рядом теоретических и практических проблем, среди которых:

- отсутствие единой доктрины и дефиниции в Общей части УК РФ;
- потенциальное противоречие статье 50 Конституции Российской Федерации (запрет повторного наказания);
- несоответствие концепции преступления, ориентированной на общественную опасность деяния;
- сложности квалификации, стадийности и соучастия.

Кроме того, методологическая неопределенность и отсутствие унифицированных критериев затрудняют применение института и снижают предсказуемость уголовной ответственности.

Тем не менее, преюдиция обладает значительным потенциалом: она позволяет адаптировать уголовное законодательство к динамике социального поведения, сохраняя баланс между превенцией и соблюдением правовых принципов. В сравнении с моделью уголовного проступка, административная преюдиция демонстрирует большую гибкость, но требует нормативной конкретизации и концептуального переосмысления.

Дальнейшее развитие института возможно при условии устранения выявленных противоречий и его согласования с фундаментальными принципами уголовного права. Несмотря на закреплённость в законодательстве, применение данного института сопровождается рядом теоретических и практических затруднений. Прежде всего, в юридической доктрине отсутствует единое понимание сущности преюдиции: одни исследователи трактуют ее как условие признания деяния преступлением, другие – как специфическую связь между аналогичными противоправными действиями. Такое методологическое расхождение затрудняет формирование устойчивой теоретической базы и согласованной правоприменительной практики.

Дополнительную сложность создают конституционные ограничения. Принцип законности, закреплённый в статье 3 УК РФ, требует, чтобы преступность и наказуемость деяния определялись исключительно нормами уголовного закона. В случае коллизии приоритет остается за конституционными положениями, что исключает автоматизм в трансформации административного правонарушения в преступление. Аналогично, положения статьи 90 УПК РФ, допускающие преюдициальное признание обстоятельств, не могут служить основанием для уголовной ответственности без самостоятельной правовой оценки.

В контексте обсуждения концепции уголовного проступка, инициированной Пленумом Верховного Суда РФ в 2020 году, административная преюдиция рассматривается как альтернативный механизм регулирования деяний небольшой тяжести. Отказ от внедрения уголовного проступка в пользу расширения преюдиции свидетельствует о предпочтении уже действующего инструмента, обладающего нормативной гибкостью. При этом преюдиция выполняет двойную функцию: способствует криминализации повторных правонарушений и одновременно служит средством декриминализации впервые совершенных деяний, адаптируя уголовное законодательство к изменяющимся социальным условиям.

Сравнение с институтом рецидива выявляет концептуальную близость, оба механизма

учитывают повторность противоправного поведения. Однако в отличие от рецидива, административная преюдиция опирается на факт совершения административного правонарушения, что смещает акцент с общественной опасности деяния на устойчивую антисоциальную направленность личности. В связи с этим возникает вопрос о допустимости включения административных элементов в уголовное регулирование. Сторонники сохранения отраслевой чистоты утверждают, что признаки административного проступка недостаточны для формирования состава преступления, и преюдиция должна рассматриваться как часть административно-деликтного права.

Кроме того, терминологическая неопределённость и наличие смешанных форм, таких как уголовно-исполнительная преюдиция, указывают на необходимость переосмысления самого понятия. Более точным представляется использование термина «отраслевая преюдиция», отражающего межотраслевой характер регулирования.

Таким образом, административная преюдиция, несмотря на ее значимую роль в разграничении правонарушений и преступлений, требует нормативной конкретизации, методологической согласованности и согласования с конституционными стандартами. Ее дальнейшее развитие возможно лишь при условии устранения выявленных противоречий и системного подхода к ее доктринальному осмыслению.

Прежде всего, следует уточнить место административной преюдиции в структуре состава преступления, поскольку именно категория общественной опасности, как справедливо отмечает С.А. Маркунцов, служит основным критерием разграничения преступлений и административных правонарушений, тогда как противоправность носит производный характер [9]. Игнорирование данного аспекта ведет к риску произвольного нормативного конструирования, лишённого социальной и онтологической обоснованности. Вопрос квалификации преступлений, основанных на административной преюдиции, включает два взаимосвязанных компонента: проверку юридической значимости ранее совершенного административного правонарушения и оценку последующего деяния, обладающего признаками повторности или систематичности. Как подчеркивает В.Н. Курченко [12], корректная квалификация требует не только формального признания постановления, но и анализа его правомерности, включая наличие состава административного правонарушения в действиях лица, ранее подвергнутого наказанию.

Дополнительно следует отметить, что отсутствие единых критериев в формулировке уголовно-правовых норм, содержащих признаки административной преюдиции, затрудняет правоприменение. Указание конкретных статей КоАП РФ в диспозициях (например, в ст. 158¹ и 212¹ УК РФ) создает излишнюю нормативную жесткость, ограничивая гибкость интерпретации и способствуя формализму, что снижает эффективность уголовного преследования. В связи с этим дальнейшее развитие института требует нормативной унификации сроков и количественных порогов повторности, отказа от прямой отсылки к административным статьям в диспозициях, а также законодательного закрепления механизма проверки правомерности административного наказания. Не менее важно – уточнение онтологической основы разграничения преступлений и правонарушений, что позволит устранить правовые коллизии и укрепить принципы законности и справедливости.

Сущностный анализ административной преюдиции показывает, что ее ключевое значение связано не столько с характеристиками деяния, сколько с личностью правонарушителя, демонстрирующего устойчивую противоправную направленность. Повторное совершение тождественных правонарушений свидетельствует о качественном изменении субъекта, что позволяет рассматривать его как носителя повышенной общественной опасности. Такой подход исключает апелляцию к моральным или социальным характеристикам личности, фокусируясь исключительно на ее противоправной активности. Сравнение с институтом рецидива и формами сложного единичного преступления (неоднократность, систематичность) подтверждает, что кратность деяний усиливает общественную опасность, реализуя диалектический принцип перехода количества в качество. Даже при сомнении в трансформации самого деяния нельзя игнорировать изменения в субъекте, допускающем повторные нарушения.

Следовательно, административная преюдиция должна рассматриваться не как формальный критерий наступления уголовной ответственности, а как индикатор устойчивой противоправной направленности поведения. Это позволяет более точно определить ее место в системе уголовного права и сформулировать применимые критерии, включая нормативную унификацию сроков, отказ от фрагментарных формулировок и акцент на социально-правовые особенности поведения субъекта. Такой подход обеспечит справедливую квалификацию, повысит правовую определенность и

укрепит системность уголовно-правового регулирования.

Административная преюдиция в уголовном праве представляет собой комплексный межотраслевой механизм, обеспечивающий переход от административной к уголовной ответственности на основе повторности противоправного поведения. Ее нормативное закрепление в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации отражает стремление законодателя усилить охранительную функцию уголовного права и реагировать на устойчивую антисоциальную направленность поведения правонарушителя. В ходе анализа выявлены ключевые признаки данного института: неоднократность деяний, наличие ранее вынесенного административного наказания, ограниченные временные рамки действия санкции, а также трансформация юридического статуса субъекта. При этом установлено отсутствие единообразия в формулировках и критериях применения преюдиции, что затрудняет квалификацию, нарушает принцип правовой определенности и снижает эффективность правоприменения.

Особое значение приобретает категория общественной опасности, формируемая не только содержанием деяния, но и личностью правонарушителя. Повторное совершение аналогичных правонарушений указывает на изменение правового качества субъекта, что обосновывает переход к уголовной ответственности. В этом контексте административная преюдиция должна рассматриваться не как формальный элемент состава преступления, а как индикатор устойчивой противоправной направленности поведения, отражающий глубинные социально-правовые характеристики личности.

С учетом выявленных проблем представляется целесообразным нормативно унифицировать признаки неоднократности и сроки действия административного наказания, отказаться от фрагментарных формулировок и чрезмерной детализации диспозиций, а также закрепить механизм проверки правомерности административного взыскания при квалификации преступления. Дополнительно требуется уточнение места административной преюдиции в структуре состава преступления, с акцентом на поведенческие особенности субъекта, а не исключительно на формальные признаки наказания.

Таким образом, дальнейшее развитие института административной преюдиции предполагает системное теоретическое осмысление и законодательную корректировку, направленную на укрепление принципов законности, справедливости и внутренней согласованности уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Музафаров И.А. О некоторых подходах к введению института административной преюдиции в современном уголовном праве Российской Федерации на примере ст. 158¹ УК РФ // Вестник КЮИ МВД России. 2017. № 2 (28). С. 90.
2. Верина Г.В. Глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации: в ожидании перемен // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. №. 1 (24) С. 20.
3. Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. №. 3 С. 122.
4. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. Москва: Норма. 2012. 527 с.
5. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3. С. 61.
6. Доктринальные, законодательные и судебные понятия в современном уголовном праве России в 7 т. / Под науч. ред. Г.И. Чечеля. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. Т. 1. С. 14.
7. Есаков Г.А. «Юридические» признаки состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 – 29 января 2016 года. Москва: «Проспект», 2016. С. 161 – 164.
8. Просочкин А.М. Административная преюдиция как новый способ борьбы с хищениями чужого имущества // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 3. С. 63.
9. Маркунцов С.А. Административная преюдиция как особое средство юридической техники и ее использование в уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4.
10. Пикуров Н.И. Отраслевая специфика современного уголовного права России // Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О.С. Капинус. М., 2016. С. 20.
11. Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 96 – 106.
12. Курченко В.Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 10–21
13. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5. С. 246 – 254.

REFERENCES

1. Muzafarov I.A. O nekotorykh podhodah k vvedeniyu instituta administrativnoj preyudicii v sovremennom ugovnom prave Rossijskoj Federacii na primere st. 158¹ UK RF // Vestnik KYul MVD Rossii. 2017. № 2 (28). S. 90.
2. Verina G.V. Glava 21 Ugolovno kodeksa Rossijskoj Federacii: v ozhidanii peremen // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2016. №. 1 (24) S. 20.
3. Kibal'nik A.G. Nedopustimost' administrativnoj preyudicii v ugovnom zakonodatel'stve // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2013. №. 3 S. 122.
4. Lopashenko N.A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monografiya. Moskva: Norma. 2012. 527 s.
5. Malkov V.P. Administrativnaya preyudiciya: za i protiv // Vestnik Akademii General'noj prokuratury RF. 2011. № 3. S. 61.
6. Doktrinal'nye, zakonodatel'nye i sudebnye ponyatiya v sovremennom ugovnom prave Rossii v 7 t. / Pod nauch. red. G.I. Chechelya. Stavropol' : Izd-vo SGU, 2009. T. 1. S. 14.
7. Esakov G.A. «Yuridicheskie» priznaki sostava prestupleniya // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 28 – 29 yanvarya 2016 goda. Moskva: «Prospekt», 2016. S. 161 – 164.
8. Prosochkin A.M. Administrativnaya preyudiciya kak novyj sposob bor'by s hishcheniyami chuzhogo imushchestva // Yurist"-Pravoved". 2016. № 3. S. 63.
9. Markuncov S.A. Administrativnaya preyudiciya kak osoboe sredstvo yuridicheskoy tekhniki i ee ispol'zovanie v ugovnom kodekse Rossijskoj Federacii // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2016. № 4.
10. Pikurov N.I. Otraselevaya specifika sovremennogo ugovnogo prava Rossii // Aktual'nye problemy ugovnogo prava: kurs lekcij / pod red. O.S. Kapinus. M., 2016. S. 20.

11. Gravina A.A. Tendencii razvitiya ugovnogo zakonodatel'stva na sovremennom etape // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 11. S. 96 – 106.
12. Kurchenko V.N. Paradigma administrativnoj preyudicii v ugovnom prave // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2018. № 2. S. 10–21
13. Kolosova V.I. Administrativnaya preyudiciya kak sredstvo preduprezhdeniya prestuplenij i sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 5. S. 246 – 254.

Информация об авторе:

Сибгатуллин Алмаз Юнусович, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, e-mail: almaz-la@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sibgatullin Almaz Yu., Lecturer at the Department of Criminal Procedure of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: almaz-la@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 02.09.2025.

Статья принята к публикации: 26.12.2025.

Статья опубликована онлайн: 26.12.2025.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.